На кольце царя Соломона было написано: «Все проходит. И это пройдет». Не случайно его называли Мудрым. А еще он сказал: «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их – путь к смерти». У человека всегда есть выбор. Был он и у Александра Васильевича СОЛОМОНОВА, декана факультета электроники, доктора физико-математических наук, профессора ЛЭТИ.

Выбор Соломонова

– Александр Васильевич, откуда такая «мудрая» фамилия?

– Фамилию получил мой прадед. С тем же успехом мог быть и Осиповым. По линии отца я потомок крепостных графа Шувалова. У него было недалеко от Питера имение – Вартемяки. Корнями я оттуда. Соломоновыми мы стали, думаю, в конце XIX века, когда было велено всем крестьянам раздать фамилии. У моей тетки на чердаке валялась солдатская шапка прадеда. За отворот была вложена бумажка – что-то вроде призывного свидетельства в армию, – Россия же всегда вела боевые действия. Призывался крестьянин Петербургского уезда, упоминалось имение Шувалова, сельсовета тогда никакого не было, все шло через управляющего имением. И указано имя – Иван Осипович Соломонов. А года за четыре до этого ему продали два воза жердей за каких-то 54 копейки. И разрешение дали на вывоз, как Ивану Осипову, о чем сохранилась квитанция. Раньше, если отца звали Осип, сын становился Осиповым. Потом прадед стал старостой в Вартемяках. А управляющий у Шувалова, похоже, был с юмором. Когда он фамилии раздавал, глядел то ли в Библию, то ли еще куда. Так в деревне появились Моисеев, Соломонов...

– И в какой семье в 49-м году появился Саша Соломонов?

– Папа 22 июня 1941 года окончил ЛИИЖТ, и его сразу призвали: вместо паровозов оказался на фронте. Сначала на Ленинградском, а закончил в Манчжурии. Прошел всю войну от звонка до звонка. Вернулся в Питер и устроился в Институт прикладной химии, там проработал с 46-го до последних дней. А мама окончила Герценовский, всю блокаду была в Ленинграде. По образованию она – биолог. После войны работала в Институте радиационной гигиены, в Институте гриппа. Так что родился я в семье советской интеллигенции. И жили мы на улице Мира на Петроградской стороне.

– В коммуналке? «На 38 комнаток всего одна уборная»?

– В коммуналке, естественно. Комнаток, к счастью, было немного. Во дворе – сараи, дрова...

– «Вот бегает дворовый мальчик»?

– Конечно. Я сейчас вспоминаю – так отпускать детей... В свои шесть лет где мы только не болтались!

– Дрались?

– Бывало. Иногда двор на двор. Но драки были не злыми, скорее это были, как на Руси, кулачные бои. Боже упаси ударить кого-то ногой. Вот синяк под глазом – это случалось.

– В 53-м году, когда Сталин умер, вам и четырех не было...

– Да, и родители мою реакцию по этому поводу запомнили. Напротив райкома партии была доска почета с профилями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. И я искренне удивлялся – народ стоял перед этими профилями и плакал. Не понимал я – чего плакать-то? Сталин для меня тогда был этот самый гипсовый профиль.

– Репрессии вашей семьи не коснулись?

– Прадеда моего посадили. Годов ему было тогда уже за 80. Старики собирались в чайной и обсуждали все, что происходит. А в 24-м году, когда Ленин умер, прадед сказал: «Ну что ж, умер бродяжка, глядишь, и порядок наведут». Кто-то это запомнил. И когда появились комиссары и начали выполнять план, искать, кто что сказал, вспомнили прадеда. Умер он в тюрьме.

– Школьные годы чудесные как прошли?

– Учился я хорошо и легко. Любил физику. Тогда появились карманные приемники на транзисторах, их называли полупроводниками. Не понимая, как это все работает, но зная схему, спаял в 6-м классе приемник. Часть денег на радиодетали родители дали. Остальное пришлось сэкономить на завтраках – 94 копейки стоил абонемент на неделю.

– И с будущим все стало ясно?

– ЛЭТИ выбрал сразу. По идее я должен был идти на радиотехнический факультет. Но тогда, в шестидесятые годы XX века, физики были, как сейчас говорят, мачо. Символом успешности. И очень хотелось быть физиком. Еще одно обстоятельство – в школах начали проводить профориентацию. Мы два месяца работали на «Позитроне», собирали конденсаторы. И я прочувствовал, что такое конвейер, увидел, как там у людей просто крыша едет. Понял тогда – без высшего образования в этой жизни никак. Окончил школу с медалью и поступил на электрофизический факультет на кафедру диэлектриков и полупроводников. В ЛЭТИ, кстати, была такая песня: «Слово физик начинается на фэ, факультета лучше нету эф-фэ-фэ».

– Дальше все было просто?

– Дальше получилось забавно – получил пять по физике, то есть поступил, выхожу из аудитории, несу экзаменационный лист, а там дядя сидит и предлагает всем медалистам, получившим отличную оценку, зайти в комитет комсомола. Там разговор примерно такой: «Еще один лэтишник, молодец, поздравляем, но надо помочь». На следующий день, собрав таких же ребят-медалистов, нам сказали: «Надо поехать на стройку». И в августе я оказался в студенческом строительном отряде «Свирь-7» в Лодейном Поле. Я просто был сражен интеллектуальным уровнем ребят – студенты читали стихи, причем такие, о которых ты не слышал и не знаешь, где их печатали. Да и сама атмосфера этого товарищества дорогого стоила.

– Что вы там строили?

– Больницу. Работа была тяжелая, но там многому научился. Я потом ездил на стройки каждый год. Закончил свою строительную карьеру членом бюро объединенного штаба студенческих отрядов. Возглавлял его тогда Александр Михайлушкин, ныне – ректор Инженерно-экономического университета.

– В те годы такая карьера путевку в «большую» жизнь давала...

– В 71-году была партийная установка на то, что надо студенчество приручать. В 68-м случились чехословацкие события, во Франции – студенческие волнения. И в Политбюро решили наградить студентов за участие в строительных отрядах. Шесть человек от Питера наградили орденами. Мы с Михайлушкиным получили орден «Знак Почета». ЛЭТИ в этих стройках был заметным вузом – пять лет подряд признавался лучшим. Эта награда была не лично моя – надо было трезво смотреть на вещи. Просто я был секретарем комитета комсомола ЛЭТИ и студентом-отличником. А партия сказала – студентов наградить, а не функционеров комсомольских. Ну и дальше решили продемонстрировать широкой общественности, что единение студенчества и партии у нас полное, провели первый и, по-моему, единственный Всесоюзный слет студентов. Готовил его ЦК комсомола. Мне поручили вести слет. За день до открытия стало известно, что планируется выступление Брежнева. Уровень сразу поднимался до мирового.

– Вы и Брежнева видели?

– Я вышел к микрофону, Тяжельников, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, говорит: «Все нормально, я рядом». Текст мне дали, слова приличные, я мог такие же сказать. Никаких здравиц тогда еще не было и слов «лично вас, дорогой Леонид Ильич» – тоже. Вдруг – бабах – появляется все Политбюро. Брежнев идет, естественно, в первый ряд и садится рядом со мной. И получилось: я у микрофона, с одной стороны – Тяжельников, с другой – Леонид Ильич.

– Перед этим металлоискателем не ощупывали?

– Нет, но охраны было много. Были кагэбэшные ребята в костюмах, аккуратно подстриженные, приятно пахли.

– И от Политбюро тоже вкусно пахло?

– От Брежнева? Да-а. Совершенно нормальный мужик, хорошо выбрит. Я сказал все слова, полагающиеся при открытии столь важного мероприятия, и предоставил слово Брежневу. Леонид Ильич выступил хорошо, язык был человеческий. Вернулся, сел. В зале – аплодисменты. Тут Брежнев мне говорит: «Что-то я устал». Тяжельников тут же берет микрофон и объявляет: «Перерыв на 20 минут». А Сан Саныч Вавилов был в это время в Казани на совещании ректоров. Тогда было важно, кого где посадили в президиуме, последствия – на пять лет вперед. Потом Вавилов сказал: «Саша, ты мне такой подарок сделал, я гоголем ходил, и все спрашивали – почему студент именно из ЛЭТИ?».

– И что было дальше?

– Тяжельникову я приглянулся. Должно было быть какое-то совместное с ГДР мероприятие: звонят из ЦК в наш обком ВЛКСМ и требуют, чтобы меня командировали в Москву, нужно быстро оформлять загранпаспорт.

– Это был первый выезд за границу?

– А я не поехал. В аппаратных играх я уже разбирался, для меня было крайне полезно поработать в комсомоле – без этого трудно было понять, как функционирует власть в стране. Кого куда двигают, как делаются карьеры. Я для себя решил: профессионально этим делом заниматься не хочу. Зачеркнуть карьеру, ту, ради которой пришел в ЛЭТИ? Потом было предложение стать секретарем Петроградского райкома комсомола.

– И?

– Я сказал: ребята, вы допускаете ошибку. Тогда основная задача ставилась перед молодежью – пятилетку в четыре года. Основной контингент для выполнения этой задачи – рабочий класс. А что у меня? Вуз с отличием, школа с медалью. Биографии рабочей никакой. Мне любой токарь скажет: «Ты, парень, сначала у станка бабку поверти заднюю, а потом мне будешь пять в четыре». Вообще, говорю, у меня нормально все идет, аспирантура намечается. Я руками поработаю, и берите меня потом. В общем, аккуратненько соскочил в 74-м году в аспирантуру, и дальше все сложилось: кандидатская, докторская, преподавательская работа.

– А ведь могли бы стать олигархом...

– А я и так мог разыграть эту карту. Для этого нужно было сохранить круг знакомств, а я его сохранил. Плюс к этому – пересмотреть свои моральные принципы. К тому же это личный выбор. Среди моих друзей несколько человек – очень богатые люди. Как делаются деньги, я знаю, студентам технологию рассказываю, причем в сфере профессиональной деятельности. Им это очень нравится.

– Чтобы честно, и чтобы не наехали?

– Западные деньги, если ты их делаешь в хайтеке, то есть на передовых технологиях, это не пивной ларек, не нефть, не бензоколонка, это бизнес, в котором ребята в малиновых пиджаках мало что понимают. Это не их ниша, им ее не занять. Это поле деятельности, к примеру, для выпускников аспирантуры.

– А вам не хотелось в бизнес поиграть?

– На заре 90-х было предложение поучаствовать чуть-чуть в нефтяном бизнесе – друзей-то много комсомольских. Я тогда своему немецкому другу сказал – предложение есть по нефти. Он ответил: «Саша, богатеть надо медленно. Нефть, наркотики, алкоголь, оружие – это не наш бизнес. Лучше быть в меру богатым, но живым». Не каждому дано осознать, что деньги счастливым не делают. Более того, ты становишься заложником своего капитала. Эти слова я вспомнил на пышных похоронах Дмитрия Филиппова, тоже лэтишника с комсомольской биографией, занимавшегося, в том числе, нефтяным бизнесом.

– Вы состоятельный человек?

– Состоявшийся.

Наталья КУЗНЕЦОВА